

По Монголии до границъ Тибета.

Глава VIII ¹⁾).

Въ бассейнѣ Меконга.

Измѣненіе маршрута на Чамдо.—Крайне пересѣченная и живописная страна на новомъ пути.—Прегражденіе послѣдней дороги: стычка съ чамдойцами.—Встрѣча и переговоры съ чиновникомъ.—Новый подъемъ на хребетъ и новые красивые виды Меконга.—Монастырь Чамдо и расположеніе на зимовку.

Между тѣмъ, съ границъ лхасскихъ владѣній пришла бумага, въ которой насъ просили не вступать на дэвашунскую землю, такъ какъ изъ Лхасы будто бы получено было строжайшее приказаніе не пускать кого бы то ни было изъ европейцевъ въ далай-ламскія владѣнія. За неисполненіе же подобнаго распоряженія лхасскія власти угрожали постами на проходахъ смертною казнью.

Подобная бумага произвела на насъ тяжелое впечатлѣніе. Всѣ мы такъ стремились, если не въ самую Лхасу, то, по крайней мѣрѣ, на берега Брамапутры; тяжело было тѣмъ болѣе, что эту мысль мы лелѣяли въ теченіи всего путешествія, легко перенося всѣ невзгоды

¹⁾ См. «Воен. Сб.» 1912 г., № 4.

и лишения; тяжело было, но пришлось уступить религиозному фанатизму тибетцевъ. Долго обсуждая наше положеніе, я рѣшилъ двинуться въ Чамдо, внизъ по теченію рѣчки Бар-чю; но такъ какъ послѣдняя протекала по большей части въ глубокихъ каменныхъ коридорахъ, гдѣ невозможно пройти даже пѣшкомъ, то мы часто ее оставляли, уклоняясь къ сѣверу и пробираясь по косогорамъ, причѣмъ иногда поднимались на плоскую вершину хребта Вудвиль Рокхила и такимъ образомъ удлинити маршрутъ вдвое.

Съ плосковершиннаго здѣсь хребта рокхильскихъ горъ мы увидѣли въ сѣверо-восточной дали знакомую уже намъ конусообразную вершину Гаик-ган-ри, дивно блестящую на солнцѣ яркою бѣлизною снѣга. Въ сторону Чамдо, на продолженіи нашего хребта, также высоко устремлялись къ небу остроконечные сѣдые пики. Въ сосѣдствѣ съ нами прыгали граціозныя антилопы-ада, а изъ птицъ перелетали одни лишь жаворонки, издававшіе тонкіе пискливые звуки.

Вслѣдъ за симъ караванъ экспедиціи началъ спускаться въ очаровательную по красотѣ и богатую растительнымъ и животнымъ міромъ тѣснину рѣчки Цатимъ, по которой движеніе затруднялось, съ одной стороны, дѣвственными зарослями могучихъ елей и лиственницъ, съ другой же — присутствіемъ высокихъ, узкихъ карнизовъ, а еще болѣе — сближенными до крайности отвѣсными боками ущелья. По дну каменистаго русла-дороги струилась, во всю ширину ея, порядочная рѣчка съ прозрачной и крайне студеной водой. Въ подобную тѣснину солнечные лучи заглядываютъ лишь на самое короткое время, а въ ея въ высшей степени характерныхъ боковыхъ выемкахъ, провалахъ и отвѣтвленіяхъ, исписанныхъ, между прочимъ, громадными цвѣтными мани, царятъ вѣчный мракъ и холодная, пронизывающая сырость, свойственная большинству настоящихъ буддійскихъ храмовъ. По счастью, въ этой тѣснинѣ мы ни съ кѣмъ изъ проѣзжихъ туземцевъ не встрѣтились, иначе я не знаю, какъ бы мы вышли изъ неудобнаго положенія при разъѣздѣ; но самымъ большимъ несчастіемъ, могущимъ обрушиться на долю случайныхъ путниковъ, слѣдующихъ черезъ эту тѣснину, безспорно служить ливень, который въ теченіе нѣсколькихъ минутъ въ состояніи превратить небольшую рѣчку въ могучій потокъ и унести или уничтожить все, что ни встрѣтится.

За главной тѣсноиою слѣдуютъ второстепенныя, иногда на подобіе каменныхъ воротъ, чередующихся съ многими карнизами и луговыми скатами. Дорога или вѣрнѣе тропа часто открыто перебѣгаетъ съ одного берега рѣчки на другой, порою же прячется въ чащѣ лѣса, пока не минуетъ мѣста сліянiя рѣчекъ Цатима и Бар-чю и не вступаетъ на возвышенный полуостровъ Цзѣдоси, гдѣ мы могли свободнѣе вздохнуть и удобнѣе размѣститься съ караваномъ. Здѣсь, съ сѣвера, круто впадаетъ сине-зеленая красавица Бар-чю, еще болѣе, стремительно низвергаясь по валуннымъ нагроможденiямъ. Отъ самой воды начинались густые заросли лѣса и кустарниковъ, взбѣгающихъ на вершины привѣтливыхъ горъ; только мѣстами встрѣчались непріятные для глазъ участки лѣса, погибшаго отъ пожара.

Наши пернатые сосѣди по Бар-чю—вороны и сороки, привыкшія получать ежедневныя подачки, прилетѣли за нами и расположились на ближайшихъ еляхъ.

Отсюда вернулся домой Шэрабъ-Чумпырь, получившій отъ насъ за свою усердную службу приличный подарокъ. Въ качествѣ проводника на дальнѣйшій путь онъ рекомендовалъ намъ отибетившагося китайца, по имени Вэй, который сначала занимался торговлей, разбѣзжая по окрестностямъ, но, ограбленный тибетцами, лишенъ былъ возможности вернуться на родину и прожилъ здѣсь около двѣнадцати лѣтъ, причемъ успѣлъ обзавестись и семьею. Теперь, при встрѣчѣ съ нами, Вэй охотно согласился быть нашимъ проводникомъ въ Чамдо. Отъ туземцевъ мы уже знали, что въ Чамдо ведутъ двѣ дороги по обоимъ берегамъ Ному-чю, причемъ путь по правому берегу удобнѣе, и что въ пяти верстахъ ниже по рѣкѣ существуетъ мостъ, по которому удобно переправиться на противоположный берегъ и по немъ слѣдовать къ намѣченной цѣли.

Съ такимъ расчетомъ, оставивъ мѣсто сліянiя рѣкъ, мы направились внизъ по Ному-чю, въ сопровожденiи старшины. Пока шли по лѣвому берегу до моста, все обстояло благополучно, но лишь только мы хотѣли вступить на него, какъ скрывавшіеся въ оврагѣ тибетцы быстро подбѣжали къ мосту съ противоположной стороны и приготовились стрѣлять въ насъ. Я черезъ проводника спросилъ въ чемъ дѣло? Получивъ отвѣтъ, что за мостомъ уже лхасскія владѣнiя, куда лхасскими же властями не приказано пускать насъ, я попытался было вызвать къ себѣ для объясне-

нiя начальника стражи, но напрасно: на нашъ зовъ никто не явился. Зная, что по лѣвому берегу также существуетъ дорога въ Чамдо, я оставилъ тибетцевъ въ покоѣ и направился дальше.

Не знаю, за что сочли туземцы нашу вторую уступку, но думаю, что не за великодушiе, а за слабость, чему подтвержденiемъ можетъ служить встрѣча съ ними на другой день, двадцать восьмого октября, при селенiи Согторо. Здѣсь, на нашей послѣдней дорогѣ въ Чамдо, я былъ еще болѣе удивленъ неожиданно, стѣною вставшимъ передъ мной, тибетскимъ отрядомъ, начальникъ котораго, Нинда-Гунчюкъ, поднявъ саблю, крикнулъ: «стой, ни шагу дальше!... выслать переводчика!» Пока шли переговоры тибетцы держали себя крайне вызывающе, то и дѣло бросая на сошки свои длинныя фитильныя ружья и прицѣливаясь въ насъ. Отпустивъ переводчика, Гунчюкъ, охорашиваясь, сталъ прохаживаться впереди своихъ подчиненныхъ и ободрять ихъ.

Отъ переводчика мы узнали, что тибетцы приготовились сейчасъ гнать насъ огнемъ своихъ ружей; на доводы же, приводимые переводчикомъ относительно того, кто мы, какiе у насъ паспорта и куда мы идемъ, Гунчюкъ совсѣмъ не отвѣчалъ, гордо отвернувшись отъ посредника. Тѣмъ временемъ нашъ караванъ стянулся въ одно мѣсто; гренадеръ Шадриковъ, сопровождавшiй первый эшелонъ, передалъ мнѣ, что въ него по дорогѣ тибетцы бросали камнями, смѣялись и злобно показывали рукою впередъ, по направленiю къ засадѣ тибетцевъ. Теперь еще болѣе стало яснымъ съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло; противъ насъ, маленькой горсти русскихъ людей, въ глубинѣ Тибета, неожиданно-негаданно, возстали его обитатели, подстрекаемые ламами многочисленныхъ монастырей, но главнымъ образомъ Чамдо и его верховнымъ представителемъ Пакпалой.

Съ большою поспѣшностью удалось счастливо сплотить свой караванъ и, занявъ удобную позицiю, очистить себѣ дорогу. Скорострѣлки вѣрнѣе всякаго китайскаго паспорта обезпечили лучшiй для насъ исходъ дѣла. Тибетцы бросились бѣжать частью въ селенiе, частью къ рѣкѣ, прикрываясь ея обрывистыми берегами; часть же воиновъ засѣла въ легкомъ строенiи и продолжала стрѣлять въ нашъ маленькiй отрядъ, перешедшiй теперь въ наступленiе. Чтобы вполне обезпечить себѣ проходъ, намъ пришлось поджечь постройку, занятую разбойниками, откуда они и стали вы-

бѣгать группами и поодинокѣ. Въ теченіе полутора - часовой перестрѣлки мы израсходовали триста патроновъ. Тибетцы были разсѣяны и, какъ въ послѣдствіи выяснилось, понесли тяжелыя потери: убитыми двадцать три человѣка и тяжело и легко ранеными семнадцать. Мы всѣ, по великому счастью, уцѣлѣли.

По окончаніи стычки, мы привели караванъ въ порядокъ и рѣшили скорѣе оставить это тяжелое по воспоминанію мѣсто, продолжая двигаться въ прежнемъ направленіи. Вскорѣ, поднявшись на высокій косогоръ и оглянувшись назадъ, мы увидѣли тибетцевъ, шедшихъ съ разныхъ сторонъ къ мѣсту, гдѣ лежали ихъ павшіе въ бою товарищи. На нашей же дорогѣ никого не было, не видѣли мы также ни одного изъ ламъ у пройденныхъ нами богатыхъ и живописно расположенныхъ на береговой террасѣ Номучю кумиренъ: Нинда-гомба и Луншуг-гомба, отстоящихъ одна отъ другой въ разстояніи не болѣе трехъ верстъ. Выбирая болѣе широкую часть долины для своей остановки, мы принуждены были двигаться до полныхъ сумерокъ, когда, наконецъ, дали и себѣ, и животнымъ отдыхъ. Но какой могъ быть намъ отдыхъ, когда нравственное состояніе было такъ потрясено! Никто не могъ знать, что насъ ожидало впереди... Въ теченіи всей ночи, казавшейся мнѣ вѣчностью, я положительно не могъ уснуть ни на минуту: мысли самаго разнообразнаго свойства роились въ моей головѣ. Чтобы поразнообразить и сократить время, я оставлялъ палатку и часами смотрѣлъ на ясное, спокойное небо. Яркія звѣзды медленно перемѣщались съ восточной стороны горизонта на западную, таинственные метеоры изрѣдка озаряли извѣстную часть небснаго свода и, померкнувъ, беззвучно исчезали въ міровомъ пространствѣ. Съ сосѣдняго карниза-обрыва сурово глядѣлъ на нашъ бивакъ домикъ ламы-отшельника, пріютившійся словно орлиное гнѣздо. Внизу глухо бурлила и плескалась рѣка; по верхушкамъ лѣса порою пробѣгалъ слабый ночной вѣтерокъ. Едва своеобразная ласка природы успѣла навѣять дремоту, какъ уже на востокъ зажглась алая полоска зари и лагерь пробу-дился.

Двигаемся. Утренняя свѣжесть воздуха придаетъ бодрости. Ближайшіе придорожные домики пусты, тогда какъ изъ жилищъ противоположнаго берега рѣки поднимаются струйки сѣраго дыма. Стада направляются въ горы, гребень которыхъ уже успѣлъ позо-

лотиться лучами солнца. Пернатые пробудились и поодиночкѣ или въ небольшихъ стайкахъ перемѣщаются черезъ ущелье съ одной его стороны на другую; рыжегорный дроздъ звонко затрещалъ въ кустахъ, будучи обезпокоенъ мимо пробѣжавшей нашей собакой, которая неожиданно наткнулась на трусливаго зайца и погналась за нимъ вдоль опушки лѣса. Немного спустя, на дорогѣ показалась фигура тибетца, высланнаго къ намъ навстрѣчу мѣстнымъ гембу — старшиной въ качествѣ проводника. По дорогѣ тибетецъ сталъ насъ увѣрять, что его маленькій начальникъ страшно скорбитъ о вчерашнемъ происшествіи, тѣмъ болѣе, что онъ ни въ чемъ неповиненъ, такъ какъ съ нами воевали другіе тибетцы; они же всѣ узнали о стычкѣ только вечеромъ, при паническомъ бѣгствѣ пострадавшихъ воиновъ.

Общій характеръ долины Ному-чю оставался прежній; рѣка капризно извивалась и мѣстами совершенно терялась среди густыхъ зарослей лѣса; открытые террасовидные уступы лѣваго берега въ то же время давали возможность свободно слѣдовать каравану и наблюдать впереди себя, по направленію къ юго-востоку. Вскорѣ, на командующемъ скатѣ, у заповѣднаго лѣса, показалась кумирня Момда-гомба и окаймляющее ее съ запада боковое ущельице, въ которомъ былъ сосредоточенъ небольшой конный отрядъ тибетскихъ воиновъ, очевидно наблюдавшихъ за нами. Давъ намъ подойти на полверсты, тибетцы быстро исчезли.

У самой кумирни рѣка Ному-чю описываетъ своимъ теченіемъ еще болѣе прихотливые зигзаги, что, въ связи съ высокими каменными берегами, съ ихъ выступами, карнизами и нишами, представляло красивѣйшій видъ, отъ котораго глазъ не въ состояніи былъ оторваться. Скатъ противоположнаго берега ютиль на стрѣлкахъ ручьевъ и небольшихъ рѣчекъ, отдѣльные домики-фермы. Рамкой долины служили иглы хвойнаго лѣса, исчезавшаго за ближайшими гребнями горъ.

Невдалекѣ за кумирней Момда-гомба, мы встрѣтили трехъ нарядно одѣтыхъ всадниковъ, выѣхавшихъ къ намъ изъ Чамдо для веденія дипломатическихъ переговоровъ въ качествѣ представителей мѣстной тибетской администраціи. Старшій изъ нихъ, въ званіи да-лама, высокій брюнетъ, съ черными пронизательными глазами, былъ въ темно-красныхъ одеждахъ и парадной шляпѣ, украшенной синимъ шарикомъ. Черезъ плечо этого чамдосца, подобно

генеральской лентѣ, висѣла связка серебряныхъ гау—ладанокъ, а въ лѣвомъ ухѣ—наградная массивная золотая серьга, художественно отдѣланная бирюзой и кораллами. Двое другихъ меньшихъ чиновниковъ составляли его свиту. При встрѣчѣ съ нами чамдосцы тотчасъ сошли съ своихъ богато убранныхъ лошадей и вѣжливо привѣтствовали насъ; мы отвѣтили тѣмъ же. Вслѣдъ за симъ, да-лама сталъ просить меня не заходить въ Чамдо, согласно будго бы желанію находившихся тамъ лхасскихъ чиновниковъ, привезшихъ изъ резиденціи далай-ламы такого рода распоряженіе. Умоляюще складывая руки и устремляя глаза къ небу, да-лама продолжалъ настоятельно просить о томъ же. «Пожалуйте мою голову», показывая пальцемъ на шею, повторялъ представитель чамдоской власти и каждый разъ, въ ожиданіи перевода фразы, его напуганное лицо страшно блѣднѣло. Со своей стороны я выразилъ да-ламѣ большое удивленіе, что чамдоская администрація рѣшила заговорить съ нами позже, нежели слѣдовало, иначе такого сложнаго недоразумѣнія не могло бы произойти. Во всякомъ случаѣ поступокъ тибетцевъ, дѣйствовавшихъ по наущенію главы великаго монастыря и окрестныхъ кумиренъ, переполненныхъ монахами, послужить большимъ укоромъ совѣсти для того, кто благословилъ воиновъ поднять противъ насъ оружіе и кто теперь, потерявъ голову, командировалъ ихъ къ намъ для улаживанія этого непріятнаго дѣла. На мои доводы хитрый чиновникъ ничего не отвѣтилъ и, чтобы не дать прочесть выраженія своего лица, низко склонилъ голову. Послѣ этого я предложилъ чиновнику прослѣдовать внизъ по долинѣ рѣки до мѣста бивака, гдѣ можно будетъ обстоятельнѣе выяснить этотъ тяжелый вопросъ.

Селеніе Бэнонъ для экспедиціи было послѣднимъ, котораго она могла достигнуть на пути по долинѣ Ному-чю, такъ какъ, въ концѣ концовъ, я уступилъ просьбѣ да-ламы, исходившей непосредственно изъ Лхассы.

Второго ноября экспедиція вновь поднялась на хребетъ Вудвиль Рокхилия, въ восточной, еще болѣе величественной, его части, гдѣ переваль Мо-ла, поднятый на 15.400 футовъ надъ моремъ, открываетъ безконечный лабиринтъ горъ по всѣмъ направленіямъ. Командующими, блестящими на солнцѣ вершинами того же Рокхильскаго хребта были снѣговья вершины Моды Зачжи, на которыя, по словамъ нашего чамдосца-спутника, старѣйшіе ламы ихъ богатаго монастыря часто обращаютъ взоры, такъ какъ, при созерцаніи по-

слѣднихъ «чистыхъ» ступеней земного міра, человѣкъ въ состояніи скорѣе отрѣшиться отъ житейской суеты и приблизиться къ познанію нирваны... Гребни горъ по большей части состояли изъ обнаженныхъ сѣрыхъ скалъ; бока же ихъ въ это осеннее время темнѣли зарослями лѣса, среди котораго змѣйками извивались серебристые ленты многочисленныхъ ручьевъ и рѣчекъ, съ шумомъ низвергавшихся въ долину. При сліяніи рѣчекъ, тамъ и сямъ, ютилось земледѣльческое населеніе съ своими обособленными или сгруппированными по нѣскольку вмѣстѣ домиками, рѣзко выдѣлявшимися на золотомъ фонѣ высохшей травянистой растительности. Очень крутой спускъ вывелъ насъ на рѣчку Шопа, а эта послѣдняя—въ ближайшее сосѣдство кумирни того же имени — Шопа-гомба, расположенной уже въ долинѣ Меконга, еще болѣе богатой и еще болѣе живописной и привѣтливой, нежели долина Ному-чю.

Многоводный Меконгъ стремительно несется по широкому (отъ сорока до пятидесяти или даже до шестидесяти сажень) галечному руслу, обставленному желто-бурыми или буро-мѣловыми песчаниковыми берегами. Его зеленовато-голубыя волны, скрывающіяся зимою подъ льдомъ лишь на самое ограниченное время, да и то въ мѣстахъ плавнаго теченія, пестрятъ барашками, разбивающимися на порогахъ въ мельчайшую водяную пыль, играющую на солнцѣ нѣжными цвѣтами радуги. Мѣстами же рѣка катится величаво-спокойно и представляетъ собою стальную, зеркальную гладь, красиво отражающую прилежащія скалы и лѣса. Глубина верхняго Меконга, по опредѣленію туземцевъ, варьируетъ въ предѣлахъ отъ трехъ до семи-восьми сажень, а уровень—отъ семи до двадцати футовъ.

Чамдо, котораго намъ такимъ образомъ видѣть не удалось, представляетъ собою, однако, большой интересъ, а потому здѣсь я привожу тѣ свѣдѣнія, которыя мы добыли какъ отъ тибетцевъ, такъ и отъ китайцевъ, постоянно тамъ живущихъ.

Основанъ городъ Чамдо и его монастырь, говорятъ, еще во времена Ландорма-хана, т. е. въ девятомъ или десятомъ вѣкѣ нашей эры. Городъ представляетъ собою главный центръ торговли въ Камѣ; онъ расположенъ на стрѣлкѣ при сліяніи Меконга съ его правымъ или южнымъ притокомъ Ному-чю; черезъ ту и другую рѣки имѣются мосты, выводящіе на сычуаньскую и юнаньскую дороги.

Населеніе Чамдо, за исключеніемъ монастыря, насчитывающаго въ своихъ стѣнахъ около двухъ тысячъ ламъ, достигаетъ пяти тысячъ человекъ обоюго пола и состоитъ, главнымъ образомъ, изъ тибетцевъ. Китайцевъ и дунганъ, проживающихъ въ этомъ городѣ по службѣ, и торговцевъ считается не менѣе пятисотъ человекъ, въ томъ числѣ и сто семействъ китайцевъ, поженившихся на тибеткахъ.

Какъ самый городъ, такъ и весь округъ, управляются главнымъ ламою, перерожденцемъ Пакпала, получающимъ ежегодно отъ пекинскаго двора около четырехсотъ ланъ серебра и пятьдесятъ четыре куска шелковыхъ матерій въ жалованье. Ближайшими помощниками этого великаго перерожденца являются Даин-хамба, вѣдающій монастыремъ, и три другихъ свѣтскихъ большихъ чиновника, въ вѣдѣніи которыхъ находятся городъ, земледѣльцы и ковчешники.

Изъ небогатыхъ однообразныхъ сѣрыхъ домовъ, которые частью группируются въ двѣ правильныя улицы, проложенныя вдоль внутреннихъ береговъ обѣихъ рѣкъ, частью же разбросаны въ безпорядкѣ на западной окраинѣ города, когда-то обнесеннаго землянымъ валомъ, красиво выдѣляется большой и богатый монастырь, расположенный на горѣ.

Во время нашего путешествія въ чамдоскомъ районѣ, глава этого великаго и пользующагося большой славой монастыря, молодой тридцатитрехлѣтній Пакпала, велъ борьбу съ мѣстной тибетской администраціей или, иначе говоря, со своими подчиненными, выступившими вмѣстѣ съ престарѣлымъ отцомъ перерожденца ярыми обличителями его поведенія, позорящаго монастырь.

Главнѣйшіе изъ тибетскихъ чиновниковъ, своего рода мѣстная аристократія и знать, совмѣстно съ представителями богдыханской власти, рѣшили открыто заявить Пакпалѣ, что ведомый имъ образъ жизни сталъ наконецъ невыносимъ для нихъ и для народа и что, если онъ не въ силахъ сдержать свою страсть, то долженъ отказаться отъ представительства монастыря и перейти къ мірянамъ; иначе они вынуждены будутъ принять рѣшительныя мѣры къ удаленію его отсюда, дабы тѣмъ спасти славу монастыря и удержать отъ подобнаго соблазна многочисленную монастырскую молодежь.

Малодушный, лицемѣрный Пакпала искусственно внялъ этимъ доводамъ и торжественно обѣщаль избраннымъ чиновникамъ оста-

вить порочащій его образъ жизни, объявивъ всѣмъ имъ о своемъ намѣреніи отправиться въ Лхасу, съ цѣлью замолить тамъ свои грѣхи. Обрадованный народъ быстро собралъ большую сумму денегъ и такимъ образомъ предоставилъ своему главѣ возможность съ подобающей пышностью направиться въ столицу Тибета—Лхасу. Приѣхавъ въ резиденцію далай—ламы, Пакпала сталъ не столько думать о молитвѣ и раскаяніи, сколько о томъ, какимъ бы образомъ приговорить къ наказанію всѣхъ тѣхъ, кто осмѣлился осудить его поступокъ. Приближенные далай-ламы помогли осуществленію его плановъ и повели дѣло такъ, что въ Чамдо экстренно помчались судьи съ заранѣе намѣченными приговорами жестокихъ наказаній какъ для отца святителя, такъ и для трехъ главныхъ чиновниковъ округа. Престарѣлый отецъ перерожденца былъ мучительно казненъ, чиновники же—ослѣплены и лишены всего ихъ имущества. Подобная участь готовилась и другимъ виднымъ чамдосцамъ; однако, послѣдніе не допустили себя до этого и въ одну ближайшую мрачную, глухую ночь, въ числѣ шестидесяти человекъ, бѣжали къ н'голокамъ, захвативъ съ собою оружіе, деньги и всѣ важныя бумаги—грамоты, хранившіяся въ управленіи.

Описанное событіе, достовѣрно нами дознанное, случилось въ Чамдо за полгода до посѣщенія нами этого округа, т. е. въ началѣ лѣта 1900-го года, когда недовольство народа достигло крайняго напряженія и когда чамдосцы во всѣхъ своихъ неудачахъ готовы были видѣть наказаніе, ниспосылаемое свыше.

Слухъ о приближеніи русскаго отряда къ Чамдо въ такое тревожное время вызвалъ въ обитателяхъ этого округа опасеніе за новое испытаніе; всѣхъ больше появленія русской экспедиціи въ чамдоскомъ монастырѣ боялся, конечно, главный виновникъ скандала — Пакпала, именемъ котораго, но главнымъ образомъ именемъ далай-ламы, немногочисленные приверженцы чамдоскаго хутухты, во главѣ съ Данн-хамбой, успѣли собрать военный отрядъ, который и благословили сражаться до послѣдней капли крови, чтобы только не впустить въ свой округъ Пименовъ — иностранцевъ, могущихъ оглашеніемъ скандала съ Пакпалой омрачить многовѣковую славу чамдоскаго монастыря. Начальство надъ отборными храбрыми воинами, охотно вызвавшимися охранять Чамдо отъ экспедиціи, принялъ на себя извѣстный своими боевыми качествами, богатырь Нинда-Гунчюкъ, который нѣсколько разъ перево-

дился въ роли бэй-ху изъ одного округа въ другой, постоянно интригуя и измѣняя ввѣряемымъ ему хошунамъ, ради собственныхъ корыстныхъ цѣлей. Однако, въ одной изъ дракъ съ враждебными хошунами, Нинда-Гунчюкъ былъ схваченъ непріятельскими воинами и подвергнутъ вырыванію ноздрей, что обезобразило этого атлетически сложеннаго тибетца-воина.

Только послѣ всего этого намъ стала ясна настоящая причина того враждебнаго отношенія, которое было проявлено по отношенію къ экспедиціи встрѣченными на Ному-чю тибетцами, предводительствуемыми «безобразноносымъ» командиромъ.

Съ Меконга мы поднялись на крутой выступъ массива, съ двухъ сторонъ отвѣсно ниспадающаго къ долинѣ этой рѣчки и рѣчки Рэ-чю; съ вершины этого выступа, я въ послѣдній разъ любовался Меконгомъ, его меридіанальной долиной, по дну которой темно-голубой блестящей лентой картинно извивался этотъ многоводный даникъ Южно-китайскаго моря. Въ сѣверной части горизонта тѣснились угрюмыя скалы, на югѣ рѣка терялась въ гигантскихъ каменныхъ воротахъ, за которыми въ синѣющей дали, словно облака, граничили съ голубой полоской неба снѣговая восточная окраина Рокхильскаго хребта и вершины болѣе отдаленныхъ далай-ламскихъ горъ. Ближайшій къ намъ сонмъ боковыхъ скалистыхъ отроговъ темнѣлъ многочисленными складками сплошной заросли хвойнаго лѣса; ручьи и маленькія рѣчки терялись на днѣ глубокихъ овраговъ или второстепенныхъ ущелій.

Лѣтомъ долина Меконга несомнѣнно представляетъ еще болѣе очаровательную картину.

За рѣчкой Рэ-чю, черезъ которую мы переправились по легкому, гибкому мосту, экспедиція, взявъ направленіе круто къ сѣверу, поднялась на двойной перевалъ Цара-ла, имѣющій около 16000 футовъ надъ моремъ. Съ вершины этого перевала рамки кругозора опять значительно раздвигаются и въ какую бы изъ сторонъ горизонта наблюдатель ни бросилъ взглядъ, всюду онъ видитъ горы, горы и горы, то бѣлыя снѣговія или темно-сѣрыя, обнаженныя, то скалистыя острыя, то луговыя закругленныя, а въ глубинѣ горъ, въ ихъ ущельяхъ, все тотъ же прежній безконечный лѣсъ.

Въ истекшемъ году, этотъ перевалъ былъ для меня послѣднимъ; а сколько ихъ оставлено за собою съ начала лѣта, со времени вступленія экспедиціи на нагорье Тибета? На этотъ вопросъ сразу

даже трудно и отвѣтить... Взглянувъ еще разъ на обширную панораму при-меконгскихъ горъ, мы начали спускаться по крутой, узкой тропинкѣ, убѣгавшей въ долину рѣчки Рон-чю, впадавшей затѣмъ въ Рэ-чю. На послѣднемъ своемъ ночлегѣ, памятномъ по обилію обезьянъ, мы были встрѣчены обитателями лхасскаго округа, а на слѣдующій день, двадцатаго ноября (1900 г.), въ восемь часовъ утра, въ ихъ обществѣ уже вступили въ селеніе Лун-ток-ндо, гдѣ экспедиція и остановилась на зимовку.

П. Ковловъ.

